ВЛ. ФАЙДЫШ

ОКТЯБРЬ 1917 г. В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 57—58 (900—901)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБ'ЕДИНЕНИЕ
МОСКВА — 1935

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

БИТВА ПОД НАРВОЙ

МАРК ТВЭН

БАНКОВЫЙ БИЛЕТ

РАССКАЗЫ

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

В НОРЕ У ЗВЕРЯ

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

БАНЩИК И ПРОФЕССОР

ДЖЬОВАННИ БОККАЧЧО

ДЕКАМЕРОН

Б. ЛАПИН И З. ХАЦРЕВИН

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ

ПОДПОРУЧИК КИЖЕ

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Новеллы из цикла „Тысяча"

ШАЛВА СОСЛАНИ

КОНТРОЛЕР

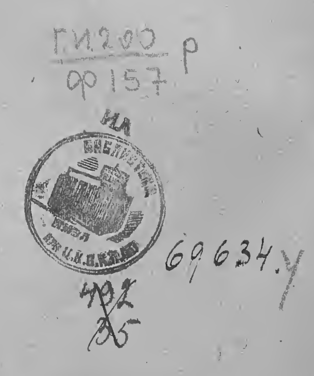
ВЛ. ФАЙДЫШ

ОКТЯБРЬ 1917 г.

В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Журнально-газетное объединение
Москва — 1935

Ответ. редактор Еф. ЗОЗУЛЯ Выпускающий А. Гуревич
Издатель — Журнально-газетное объединение
Уполномочен. Главлита № Б—11811 Тираж 50 000 Зак. № 1834
Статфор. A^4—105+148 мм. 2 печ. л. Число зн. в 1 печ. л. 49600
Изд. 294. Книжка сдана в наб. 10/IX—35 г. Подп. к печ. 11/X—35 г.
Типография „За индустриализацию“, Москва, Цветной бульвар, 30.

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Моя работа в Замоскворецком районе в этот раз началась в апреле — мае 1917 года, когда я приехал из ссылки. «Сосватали» меня в Московском комитете очень быстро. Захожу в МК, помещался он тогда в Капцовском училище (Леонтьевский переулок), ютился в двух комнатах, всегда набитых народом. Встречаю там И. Цивцивадзе, Галенко, Лихачева, М. Петрову, узнаю от них, что нужен секретарь в Замоскворецкий райком большевиков, и дня через два я уже на работе опять в Замоскворечье. Перерыв в моей работе был «небольшой»: пять лет каторги да четыре года ссылки на поселенье в Восточную Сибирь.

Малая Серпуховка (в настоящее время Люсиновская улица), невзрачное одноэтажное здание, занятое под столовую студентов Коммерческого института... Мезонин наверху с тремя комнатами, небольшими, с очень низким потолком. Узенькая, где двоим не разойтись, деревянная лестница внутри здания. Мезонин с улицы и не виден даже, в этом мезонине — штаб замоскворецких большевиков, Замоскворецкий районный комитет РСДРП большевиков, а затем и РКП большевиков.

Много народа, но не «штатного» — из «освобожденных» работал лишь И. Цивцивадзе, я, да еще несколько позже технический работник В. Кравчук. Работа, как теперь мы называем, «оперативная», т. е. как пришел, а приходить приходилось рано утром, так до 12 или 1 часу ночи, а то и всю ночь. Эта работа состояла в немедленном и неуклонном реагировании на все происходившее в политической жизни страны, в ее экономике, в жизни предприятия, в жизни рабочего.

К началу моей работы райком большевиков уже был сформирован и состоял главным образом из рабочих, двух-трех «подпольщиков» и одного-двух студентов. Работа им была развернута полным темпом.

Большевики-агитаторы посылаются почти на все предприятия района. Эти агитаторы подчас неказисты с виду, не внешним блеском берут они. Завком «Поставщика» (в настоящее время кожзавод им. Кагановича) собрал раз митинг, посвященный «займу свободы», который шел на поддержание войны; меньшевики прислали своего видного оратора, который с большим красноречием и очень умело «подходил» к аудитории, его слушали внимательно. Но вот на трибуне большевик, молоденький, невзрачный даже, в потертом, мягко говоря, костюме, и оратор-то уж не записной, но речь его, речь большевика, проста, конкретна, близка аудитории, вся проникнута ненавистью к классу эксплоататоров, к «хозяину» и... результат этого выступления: провал «займа свободы» на «Поставщике», ни копейки не дали тогда рабочие на продолжение войны.

Кампания против подписки на «заем свободы» прошла как наилучшая демонстрация сочувствия, которое все больше завоевывала у рабочих партия большевиков. На этой и других кампаниях, в борьбе, которая завязалась между классами и партиями, представителями этих классов, воспитывался замоскворецкий рабочий.

На выборы в районные думы рабочие вышли в значительном количестве. Комитет партии большевиков развил бешеную агитацию. Появление автомобилей с цифрой «5» (номер списка, под которым в Москве шли кандидаты большевиков) всюду в рабочих кварталах встречалось криками «ура», приветствиями. Ну, а в буржуазных появляться можно было с осторожностью. Там проходил список № 1, кадетский (партия буржуазии). В эти дни ни меньшевики, ни эсеры популярностью не пользовались: класс шел против класса, отметая все соглашательские тенденции.

Победа была одержана: Калужская и Пятницкая районные думы имели обеспеченное преобладание большевиков, были большевистские.

Рабочие Замоскворечья — крупнейшего рабочего района Москвы[1],— на фабриках и заводов которого велась работа на «оборону», особенно остро чувствовали тяжесть своего положения.

Надо вспомнить тогдашнюю обстановку на фабриках: 12—14-часовый рабочий день, низкие расценки, отсутствие продовольствия, постоянная угроза отправки на фронт, работа на заводах и фабриках в

[1] Тогдашний Замоскворецкий район включал в себя нынешний Ленинский район и часть Кировского.

качестве «военнообязанных». В общем подлинное рабство, с той лишь, пожалуй, разницей, что в старые времена раба за отказ работать тут же убивали, а здесь убивали несколько позднее — на фронте.

Рабочему не сразу удалось разобраться в обстановке. Под маской «защитников» его интересов выступали меньшевики и эсеры. Пришлось на практике забастовок, т. е. прежде всего на собственной шкуре, учиться распознавать друзей и врагов. Забастовка текстильщиков, а затем и 2½-месячная забастовка кожевников были хорошей школой. На этих забастовках воспитывались и росли кадры рабочих-большевиков Замоскворечья.

События тем временем развивались. Все больше росло число революционно настроенных пролетариев. Если еще в июне 1917 года эсеры пользовались в Москве влиянием и добились 58 процентов голосов в городской думе, то уже выборы в районные думы в сентябре показали, какой сдвиг произошел в рабочей массе.

В борьбе за завоевание рабочей массы партийная организация сумела развернуть большую работу.

Всюду входили большевики, во все организации, будь то фабзавком или столовая, или даже черед за хлебом, продуктами. Везде организовывали, направляли в нужное русло мысль, стремление рабочего, недовольство голодовкой жен рабочих, особенно недовольство войной.

Особенно много внимания уделялось организации митингов на улицах или посылке на митинги, организуемые другими партиями, большевистских ораторов.

Памятны митинги на площадях Замоскворечья, митинги на заводах и в Коммерческом институте. Всюду, где собирались рабочие, выступали большевики. Как отличны митинги Замоскворечья от митингов, например, на Тверской или у Скобелевского памятника. Если в центральных буржуазных районах города большевиков преследовали, избивали, арестовывали, то в Замоскворечье жадно слушали речи большевиков, поддерживали их возгласами сочувствия.

На Серпуховской площади (в настоящее время Добрынинская) редкий день проходил без митингов. Обычно председатели митингов, большей частью меньшевики и эсеры, всячески мешали нашим ораторам. Поэтому нам надо было выдвинуть своего председателя, на имя которого можно было и зарегистрировать этот митинг. Таким председателем был один товарищ, беспартийный, с широкими белыми офицерскими погонами. Плотный и с бородой, он импонировал мелкобуржуазной публике своей наружностью и мог продолжительное время проявлять «объективность», давать нашим ораторам говорить, «сколько влезет». С этими митингами мы имели постоянную связь. Чуть где какая-либо неувязка: путанно или неудачно выступил наш агитатор, или ему не дали говорить, — тотчас же специально назначенный «связист» сообщает в райком, и посылается подкрепление. Мне вспоминается такой «связист», молодой рабочий Телефонного завода т. Григорьев (в настоящее время инженер с 4—5-летним опытом), ему мы даже советовали обычно намотать, отправляясь

на митинг, на шею полотенце. Он никак не мог не принять участия в тех спорах, которые велись тут же на митингах в отдельных группах,—спорах, страстных, часто кончавшихся столкновениями.

Какими же силами располагала партия большевиков в Замоскворецком районе? Сейчас мы уже имеем документальные данные. С 1 января по ноябрь 1917 года было записано в члены партии 2 349 человек, как это видно из журнала записи членов партии [1], но надо сделать оговорку: судя по номерам партбилетов, выданным членам партии, внесенных в списки по заводам [2], число членов партии надо считать не менее чем в 3 000 человек.

Райком большевиков был тесно связан с Московским комитетом большевиков. Эта связь была особенно хорошо налажена перед восстанием. В этот период Илья Цивцивадзе (член бюро МК, ответственный партийный руководитель Замоскворечья) ежедневно бывал в МК, а вечером собирался актив, который заслушивал и обсуждал центральную и местную информации, горячо обсуждал и намечал план действия.

Штрихом, характеризующим настроение рабочих, является выступление замоскворецких рабочих и солдат с демонстрацией-протестом против милюковской ноты о «войне до победного конца». Для меньшевистско-эсеровского Моссовета и буржуазии это выступление явилось полной неожиданностью.

---

[1] Партархив МК ВКП(б) Замоск. р. д. № 3.
[2] Там же.

Особенно внушительным было выступление двух полков в полном боевом вооружении.

Это было прежде всего первое выступление полков с оружием в Москве. Надо вспомнить, что Февральская революция в Москве прошла не только без боев, но даже без появления революционных войск в боевом порядке на улицах. Поэтому эта наша колонна, сопровождающая демонстрацию рабочих, шедших с большевистскими лозунгами, вызвала невероятное остервенение буржуазии. И если на Большой Полянке на головы демонстрантов летели не только проклятия, но и цветочные горшки с окон, то в центре, на Моховой, Тверской толпы «интеллигенции» бросались на отдельных демонстрантов с целью или вырвать особенно резко действовавший на их нервы лозунг на плакате или побить рабочего, чьи возгласы или реплики не менее хлестали буржуа. В одном месте, на Тверской, при повороте демонстрации в Леонтьевский переулок, где помещался Московский комитет большевиков, толпа так насела на демонстрантов, что только обернувшаяся рота солдат могла оттеснить толпу, взявши ружья наперевес.

Во главе демонстрации вслед за солдатами шли члены райкома большевиков, затем завод Михельсона и другие заводы. С боку завода Михельсона шла боевая дружина завода, вооруженная чем только можно было: кто револьвером, кто кинжалом,а кто и кулаком, «укрепленным» внушительной гайкой.

Моссовет растерялся. Его представитель едва нашел силы пролепетать, что «совет просит разойтись», что он «п р и з о в е т, когда будет нужно»...

Выступили большевики тт. Смидович, Ногин. Их выступления были встречены бурей приветствий, криками «ура».

Через 3—4 дня после демонстрации на собрании «комитета общественных организаций», игравшего роль московского правительственного центра, представитель крупной буржуазии Рябушинский с пеной у рта обвинял руководство комитета в том, что оно допустило эту демонстрацию, которая «по существу была восстанием», что «комитет—не власть, а власть—совет», что «комитет беспомощен», что «нас даже не собрали...» и т. д.

Эта демонстрация ярко выявила большевистское настроение солдат и рабочих Замоскворечья, показав буржуазии всю шаткость ее положения.

Как реагировали рабочие на призыв большевиков, видно из такого, например, факта: по призыву МК партии в день созыва так называемого «Московского государственного совещания», где Временное правительство, буржуазия и контрреволюционный генералитет сговорились о наступлении на революцию,— была намечена большевиками однодневная забастовка в виде протеста против этого совещания. Забастовка прошла по всему Замоскворечью.

Большевики городской трамвайной станции (у Малого Каменного моста) накануне вечером провели решение о забастовке и невыпуске трамваев. Несмотря на это решение, в день забастовки один или два парка все же пустили трамваи. Тогда рабочие станции выключили ток.

Приехавшая в 2 часа дня специальная делегация

Моссовета (меньшевистско-эсеровского в то время) с несколькими юнкерами не могла уговорить рабочих приступить к работе. Угрозы же делегации настолько обозлили рабочих, что ей, особенно когда она увидела в завкоме имевшееся там оружие, пришлось спешно убраться.

Нечего говорить о том, с какой жадностью слушали чтение каждой статьи и речи Ленина, где он обосновывал необходимость восстания в ближайшее время.

Столовая на Малой Серпуховке принимала сразу другой вид. Столами загроможден коридор, с трудом можно пропихнуться в зал, так узки стали не слишком широкие и вообще здешние «коридоры», но зато в зале стулья стоят рядами и не только нет пустого стула, но, как правило, на двух сидят трое. Читают политические брошюры. Читают Ленина. Каждая фраза хватает за живое. Нельзя не спросить, как нельзя и не заявить репликой, восклицанием хотя бы свое удовлетворение, а то протест: «Скорее, мол, надо». Вот уже курят, вот возникает уже спор у двух-трех соседей, к нему пристают другие, шум, крик. Председатель, наконец, добивается того, что его слышат. Дается пояснение, чтение продолжается. Прерывается оно часто и очередной информацией с того или иного завода, особенно интересной почему-либо. Здесь кипит мысль, здесь Ленин — свой, здесь — только он авторитетен.

В июне призывы Керенского к «войне до победного конца» уже не находили в рабочей массе того отклика, на который так надеялись меньшевики и эсеры.

Но еще не готовы были силы. Еще пока не окончательно перестал верить рабочий соглашательским партиям. Еще не видели рабочие близко генеральские погоны Корнилова, пряталась реакция за спины эсеров и меньшевиков, благо те так охотно их для этого предоставляли.

Выступление Ленина с апрельскими тезисами, резолюции и обращения VI съезда партии оказали громадное влияние на замоскворецкую организацию большевиков, на всю рабочую массу Замоскворечья.

> «Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема», — отметил VI съезд партии.

Съезд резко и решительно определил свое отношение ко всем попыткам объединения с меньшевиками-контрреволюционерами в своем постановлении:

> «Исходя из признания необходимости полного и бесповоротного раскола с меньшевиками-империалистами, съезд высказывается самым решительным образом против таких попыток...»

Замоскворецкая организация твердо держалась этих решений. Этим объясняется в первую очередь ее действенность в дни октябрьских боев. Этим объясняется и то, что основное ядро большевиков московского партийного центра смотрело на Замоскворецкий район как на свою основную опору. Сюда перенесено было издание «Социал-демократа», «Изве-

стий Моссовета». Здесь находились М. Н. Покровский, М. Ольминский и другие. Отсюда даже в дни, когда Моссовет был окружен юнкерами со всех сторон, поддерживалась с Моссоветом связь, посылалось продовольствие. Наконец, сюда перешла и отсюда руководила восстанием часть московского партийного центра в лице «партийной пятерки». Здесь были В. Н. Яковлева, Пятницкий, Кизельштейн.

В сентябре весь состав Замоскворецкого совета был переизбран и стал сплошь большевистским; соглашатели вошли лишь единицами. Путем отзыва своих представителей — меньшевиков и эсеров — заводы еще с июля начали изменять состав совета.

Под руководством партии большевиков в районе еще с конца апреля началась организация боевых дружин. Эта работа проводилась сначала тт. Штернбергом и Пече, затем Пече (апрель — июль) и прикомандированным к нему несколько позже т. Добрыниным.

Тов. Штернберг возглавлял первую тройку, выбранную бюро Московского комитета большевиков для организации дружин в составе тт. Штернберга, Ведерникова и Цивцивадзе.

Августовские события — корниловщина, опасность полного поворота к старому, угроза для революции — окончательно убедили колеблющихся и отстающих.

При Замоскворецком совете был организован специальный Комитет по борьбе с контрреволюцией, но... меньшевистско-эсеровский состав мог ли бороться с самим собой? Не поверили им замоскворецкие рабочие и солдаты.

Райком партии выделил своего представителя (Вл. Файдыша), дал свои силы на борьбу, концентрировал все руководство фактически у себя. Мобилизованы были все боевые дружины. Дежурства на заводах и фабриках фабзавкомов, партячеек и сочувствующих. Дежурства постоянные днем и ночью у телефонов. Патрули с вечера до самого утра... Штаб — в Замсовете на Калужской площади.

Район разбит на участки применительно к расположению крупных заводов. В фабзавкомах — местный штаб. Этот штаб вербует рабочих в патрули, в разведку по улицам, по очередям у магазинов, туда вообще, где скопляется народ. Через эти фабзавкомы районный штаб и райком знают обо всем, что делается в районе.

На основных площадях района кроме того — наблюдательные пункты. Завком трамвайного парка предоставил в наше распоряжение свои трамвайные будки-станции. Здесь дежурные — надежные рабочие. Их задача — все видеть, обо всем звонить в совет, особенно следить за передвижением воинских сил.

Районный штаб принимает донесения, намечает маршруты патрулей, снабжает их условными паролями, по которым они узнают друг друга при встречах. Патрули численностью от 10 до 25 человек вооружены револьверами. На улицах в эти ночи нет милиции, на улицах Замоскворечья охрана только из рабочих. От Калужской площади по Крымскому валу до Крымского моста, затем по набережной до Каменного моста, по Полянке до Серпуховской и дальше по Серпуховской до Даниловской идет патруль, вни-

кая в ночную тишину, идет настороженно, зная, что нельзя верить этой тишине. Обувка рваная, одежонка плохая, а ночи уже холодные, но надо ходить, надо смотреть.

Так, из улицы в улицу, перекрещивая свои маршруты, двигались в корниловские дни замоскворецкие рабочие, доверяя только одной своей партии, партии большевиков, призвавшей их к борьбе с контрреволюцией.

Основной же штаб большевиков — райком, — тесно увязавшись с Московским комитетом большевиков, дает десятки агитаторов на предприятия, на митинги и собрания. Не спят и там, телефон звонит без устали и непрерывно, даже Илья (Цивцивадзе) уже не кричит, да ему и нечем кричать — он уже давно охрип.

Но надо было быть на-чеку. На нашей стороне был 55-й полк, неразрывно и тесно связавший всю солдатскую массу с большевистским заводом Михельсона (в настоящее время завод им. Ильича). На стороне контрреволюции было пять школ прапорщиков, расположенные в Замрайоне, и Коммерческий институт — детище купечества, где была сильная контрреволюционная организация студенчества. Предприятием, являвшимся тогда темным пятном для революционного рабочего Замоскворечья, оплотом меньшевиков, была типография Сытина.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Весь август, сентябрь и октябрь прошли в лихорадочной работе по подготовке к восстанию.

Уже в августе отряды внутри заводов разбиваются

на десятки и сотни. Фабзавкомами выделяются специальные командиры, сотники. К моменту, когда Московский совет вынес свое решение об организации Красной гвардии, эта гвардия в Замоскворечье уже давно существовала. Особенно важно было то, что она подчинялась не меньшевистско-эсеровскому в то время Моссовету, а райкому партии, большевистскому совету Замрайона и большевистским фабзавкомам.

Основными заводами, имевшими крепкие комячейки и завкомы и организовавшими отряды Красной гвардии, были: завод Михельсона, завод Бромлей («Красный пролетарий»), Замоскворецкий трамвайный парк (им. Апакова), «Поставщик» (завод им. Кагановича), «Густав Лист» («Красный факел»), Варшавский арматурный, Телефонный завод, Городская трамвайная электростанция, Электрическая станция 1886 года (им. Смидовича), МОГЭС, Даниловская мануфактура (им. Фрунзе), «Добров и Набгольц» (им. Калинина), «Волк», «Циндель» (1-я ситценабивная), Протезный завод (около Крымского моста), завод Шварцкопфа, «Мотор» и завод Демент.

Завкомы этих заводов под руководством большевистских ячеек были настолько решительны в своих действиях, а рабочая масса настолько крепко поддерживала их начинания по подготовке к восстанию, что заводская администрация ничего не смогла им противопоставить. Заводы вынуждены были даже выплачивать красногвардейцам, вызванным райсоветом в наряд, зарплату по определенной ставке.

Так же выплачивал деньги и Замоскворецкий совет

(протокол от 29/VIII и 13/IX), причем оплата была определена в 10 рублей за день.

Число же вызванных в ночной наряд по району с разных заводов доходило до 50—100 человек.

В Красную гвардию включались лишь выдержанные, зарекомендовавшие себя рабочие. Сознавая всю важность момента, рабочие доверяли оружие лишь наиболее смелым, стойким и проверенным из своей среды. Количество красногвардейцев в отряде определялось наличием оружия. Охотников же вступить в отряд был на любом заводе избыток.

Большинство отрядов состояло из рабочих, не умевших обращаться с оружием. Пришлось сразу же налаживать обучение, используя для этой цели главным образом бывших солдат, унтер-офицеров.

В мае-июле это обучение было затруднено тем, что его приходилось проводить конспиративно.

В райкоме партии, например, занятия происходили при закрытых ставнях, обучались в помещении столовки, по окончании обедов, партиями человек по двадцать. Но уже в конце августа, после корниловского выступления, отряды Красной гвардии обучаются вполне открыто. Обучаются в заводских помещениях, на заводских дворах, например, отряды «Поставщика» на дворе Цинделя, бромлеевцы ходили даже за город «на маневры» и т. д.

И все же умение обращаться с оружием было слабое. Уже в самые дни восстания приходилось обучать идущих в бой красногвардейцев, как зарядить винтовку, а стрелять-то обучались многие в бою.

Вот, например, дежурка завода «Поставщик». «За

столом сидит выбившийся из сил, дремлющий председатель завкома т. Кондрашов. В это время в завком входит один из охраняющих завод красногвардейцев, которому понадобилось исправить затвор берданки. Красногвардеец Бородин помогает закрыть затвор и кладет ружье на стол президиума. От сильного ли удара по затвору или по другой причине внезапно раздался выстрел, и пуля проходит между носом и согнувшейся рукой дремавшего Кондрашова. Переполошились все весьма сильно. Кондрашов остался невредимым, взволнованный же секретарь ячейки Корешков никак не может успокоиться и грозит Бородину всяческими карами. В руках он держал карабин и от возбуждения бессознательно нажимает курок. Раздается новый выстрел, и пуля пробивает несколько пар обуви. Тут же угрозы посыпались на самого Корешкова. А он спокойно оправдывается: «Я же не в народ стрелял, а в угол направил ружье» [1].

Таких курьезов было много. Даже в Совете на потолке одной из комнат была такая отметка от пули.

Плохо обстояло дело с вооружением красногвардейцев, хотя были приняты все меры, чтоб достать оружие. Завод Михельсона еще в дни Февральской революции организовал налет на оружие бывшего варшавского охранного отделения, которое хранилось на складах Рязано-Уральской железной дороги. Захватили винтовки и револьверы. До поры до времени эти винтовки были замурованы в стенах завода. Большинство активных работников большевистской

[1] «На баррикадах за власть Советов». Изд. «Моск. Раб.», 1934. Стр. 98—99.

организации раздобыло револьверы. Фабрика Циндeля, обозные мастерские, Телефонный завод и др. организовали поездки на оружейные заводы в Тулу и Ижевск. Имея мандат райкома партии или Замоскворецкого совета на получение оружия, они раздобыли немного винтовок и, главным образом, револьверы. Рабочие завода Михельсона сами принялись за выделку браунингов и гранат. Все силы были направлены на то, чтобы снабдить рабочих оружием. И все же его было очень мало. Вооружение состояло из небольшого количества винтовок или берданок, револьверов и холодного оружия. Почти не было патронов.

Завод им. Ильича (бывш. Михельсон) был передовым предприятием Замоскворецкого района. Его влияние, его пример имели колоссальное значение для всего района.

В то время как на некоторых предприятиях Зам-района отряды Красной гвардии в корниловские дни (конец августа) только еще формируются, завод Михельсона свою Красную гвардию создал уже в апреле.

В дни корниловского мятежа рабочие-большевики завода Михельсона были особенно настойчивы в своих требованиях к меньшевистско-эсеровскому Моссовету.

Михельсоновцы послали в Моссовет даже специальную депутацию, мотивируя необходимость этой посылки «тревожностью момента и возможностью соглашательства верхов с контрреволюцией». Депутация должна была потребовать немедленного вооружения рабочих. Депутация была принята меньшеви-

ком Исувом и, конечно, оружие выдано не было, так как меньшевики боялись дать оружие рабочим, хотя бы тем немногочисленным уже, правда, рабочим, которые входили даже в их партию. Ряд заводов послал аналогичные требования в Моссовет.

В конце концов эти выступления рабочих вынудили меньшевистско-эсеровский Моссовет издать свое постановление об организации Красной гвардии. Продиктовано это было еще и тем, что меньшевики и эсеры рассчитывали на возможность при существовании Красной гвардии легально подчинить ее себе. Они ошиблись в этом. Созданная большевиками Красная гвардия осталась большевистской.

С колоссальными трудностями удавалось кое-как приводить в боевое состояние Красную гвардию. Слабы были еще наши материальные ресурсы, неопытны были бойцы. Но велика была воля к победе.

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

К началу восстания Красная гвардия насчитывала не более 800 человек, но в самое восстание вокруг этих основных кадров организовалось несколько тысяч бойцов. Красная гвардия была разбита на «десятки», сведенные по крупным заводам в «сотни», затем, уже в дни восстания были разбиты по пяти районам, где опорными пунктами были крупные предприятия, базы. В дни восстания практиковалось также формирование отрядов из рабочих, являющихся непосредственно в ВРК для посылки со специальным назначением: пополнение сил на Остоженке, у Каменного моста или Москворецкого. Эти отряды посту-

пали там в распоряжение постоянных командиров этих пунктов.

Воинские силы состояли из 55-го полка 196-й пехотной стрелковой дружины, команд выздоравливающих и двинцев. Количество солдат не превышало 4 тысяч. Командование 55-го полка, зная революционность своих солдат, накануне назревших событий сумело уменьшить состав полка путем выдачи отпусков солдатам.

Полк, по словам С. Будзинского[1], выступил в составе шести рот полностью. Мне думается, что здесь надо отметить то обстоятельство, что роты действовали посменно и что, пожалуй, я уже не так неправ, утверждая, что «полк участвовал в восстании в количестве, не превышавшем 500 человек»[2]. Правда, в это число не вошли солдаты, ушедшие в Моссовет и действовавшие там. Их, примерно, было, по словам комиссара полка т. Сокола, около двух рот.

Полк участвовал в восстании в Замоскворецком районе в количестве, не превышающем 500 человек. Затем полк выделил в Моссовет две роты, около 400 человек, ушедших из района в первые дни восстания; остальные были достаточно революционны, чтобы не итти против нас. 196-я пехотная дружина, состоящая из «ополчения», стариков-крестьян, вооруженная к тому же берданками, насчитывала не более 120 человек.

Надо отметить, что эта дружина единственная из

[1] «Пролетарская революция», ГИЗ, 1927 г., № 10, стр. 205.

[2] «На баррикадах за власть Советов», «Моск. раб.», 1934 г., стр. 16.

воинских частей пришла к нам со своим командованием. Командирами были: штабс-капитан т. Ушатский и поручик т. Богословский.

Объясняется это, по-моему, тем, что как и самая дружина, так и ее командование не хотели вовсе итти воевать. Это нежелание быть отправленными на фронт особенно было сильно у офицеров, из которых Богословский был уже на фронте ранен два или три раза.

Команды выздоравливающих никакой боевой силы собой не представляли. Оружия у них не было вовсе. Использовались из них лишь отдельные единицы.

Те же части, которые сохранили оружие, например 55-й полк, как мы сказали ранее, дрались на нашей стороне. Офицеры все бежали из полка, командиром был избран солдат Будзинский (большевик), вошедший было в Замоскворецкий военно-революционный комитет, но тут же ушедший для работы в Моссовет.

После него командиром был т. Рачицкий[1] и комиссаром т. Сокол.

Солдаты 55-го полка имели с самой Февральской революции своим «шефом» завод Михельсона. В полковой комитет, «нарушая правила», входили представители рабочих завода Михельсона. В то же время в завком завода Михельсона входили представители полка. Парторганизация завода провела колоссальную работу в полку. Особенно интенсивно работали большевики: тт. Стрелков, рабочий завода Михель-

[1] Рачицкий, прапорщик, командовал Особой московской бригадой в гражданскую войну, был убит на фронте.

сона, и Антонов, подпольщик, бывший ссыльно-поселенец.

Немало было трудностей. Солдат под разными предлогами и без всяких предлогов задерживали без отпуска в казармах, а то и просто запирали. Однажды, например, пришлось собрать митинг у ворот казарм, в которых заперты были солдаты. Офицеры, упорно сопротивлявшиеся общению солдат с рабочими, желая помешать солдатам слышать речи ораторов, открыли стрельбу по ораторам. Тогда возмущенная толпа разбила ворота и ворвалась в казармы. Офицеры скрылись. Солдаты не допустили, чтобы из полка было вывезено оружие.

Когда же накануне октябрьских дней был получен в полку приказ Московского военного округа о вывозе из полка (под каким-то предлогом) оружия, полк отказался выполнить этот приказ и задержал оружие у себя.

Надо здесь сказать, что ценность этого оружия была сомнительная. Мало того, что винтовки были старые, уже расстреленные, — значительное количество было «витерли», иностранной системы.

Тов. Будзинский рассказывает в своих воспоминаниях[1], что был момент, когда солдаты заявили, что с такими винтовками в бой итти нельзя, ибо они в своих сами стреляют. Красногвардейцы же с завистью смотрели и на эти винтовки.

Необходимо указать, что ведущую роль в боевых действиях во время восстания играли не обученные

---

[1] «Пролетарская революция», изд. 1927 г., № 10, стр. 207.

кадры, организованные уже в боевые единицы — солдатские части, а рабочие-красногвардейцы.

. Солдаты в боях шли, как правило, позади рабочих. Это было особенно заметно во время операции у Каменного моста. Наступление велось красногвардейцами. Солдаты же только поддерживали его усиленным огнем. Так было и в других местах.

Особенно резко это проявлялось в дружине, поголовно составленной из ополченцев-«стариков». В их рядах замечались колебания, нерешительность.

Но так же несомненно, что без солдатской массы восстание удаться не могло бы. Именно переход солдат на нашу сторону, а не на сторону буржуазии определил исход восстания.

Вечером накануне восстания наш штаб дал согласие на вооружение для уже большевистского Моссовета 100 солдат-двинцев [1] при условии оставления сорока из них в районе. Вооружены они были винтовками из запаса завода Михельсона.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Накануне восстания, видимо 25 октября, я пришел в МК, в «Дрезден». Комната оказалась битком набитой солдатами — представителями большевистски настроенных частей московского гарнизона. Обсуждался важнейший вопрос — вооружение этих частей. Мо-

[1] Двинцы — солдаты Двинского полка, которые были арестованы за отказ продолжать войну и находились в заключении в Бутырской тюрьме. Под давлением рабочих масс Временное правительство было вынуждено их освободить. Часть двинцев помещалась в Замоскворечье, в казармах на Озерковской набережной.

сковские части имели оружие в недостаточном количестве.

Учитывая военную подготовку солдат, побывавших к тому же и на фронте, я тут же дал согласие на вооружение 100 человек винтовками с завода Михельсона.

Несмотря на то, что Красная площадь была в руках юнкеров и шедших в Моссовет вооруженных нами двинцев встретил за Москворецким мостом огонь офицерского полка, двинцы после жаркой перестрелки прорвались к Моссовету штыковой атакой, пустив в ход имевшиеся у них гранаты.

К началу восстания Замоскворечье было разбито на подрайоны, центром которых явились крупные заводы.

Район около Москворецкого моста был «прикреплен» к «Густаву Листу» («Красный факел»), от Москворецкого до Устьинского — Электрическая станция и Телефонный завод, куда был специально послан член штаба Красной гвардии т. Томашевский с отрядом, Каменный мост — Трамвайная станция и Михельсон, Крымский мост—Варшавский арматурный завод. Трамвайный парк — Калужская застава. Конечно, в этих местах действовали и другие отряды, но основным силами здесь были указанные заводы.

Еще со времени корниловского выступления были взяты на учет укрепленные пункты белогвардейцев, установлен надзор за самыми высокими домами, господствующими над окрестностью и заселенными буржуазией. Эти дома в 5—6 этажей, а также церкви представляли серьезную угрозу для восставших.

Юнкера же были сосредоточены в центральной части города, опираясь при этом на такие укрепления, как Кремль, и такую возвышенность, как недавно снесенный храм спасителя. И там и тут стояли пулеметы, осыпавшие пулями Москворецкий, Каменный и Крымский мосты.

В тылу у нас кроме того находилась Рязано-Уральская железная дорога, требовавшая тоже особого к себе внимания, так как по ней могло прибыть к белым подкрепление.

О находившихся в районе школах прапорщиков мы уже упоминали, но надо добавить, что одна из них, не успевшая вместе с другими выйти в центр, была нами отрезана и оставалась все время восстания у нас в тылу, создавая серьезную угрозу району. Приходилось таким образом считаться при нашем наступлении на центр и с этим врагом в тылу, тем более что школа была вооружена до зубов.

Разведке, получению сведений обо всем, что творится в районе, было придано особое значение. Здесь в дни корниловщины серьезнейшей помощью явилось предложение тов. Апакова, организатора Красной гвардии Замоскворецкого трамвайного парка, использовать трамвайные будки на площадях как пункты наблюдения и связи. Завком трампарка предоставил нам все возможности для этого. В этих будках установлены были сначала ночные, а затем (перед самым восстанием) и дневные наблюдательные пункты. Благодаря имевшимся там телефонам эти пункты могли тотчас же информировать штаб о всех передвижениях на площадях. Мы таким образом прослеживали лю-

бое движение противника. Завод Михельсона передает: «Рота юнкеров с винтовками вышла из казарм». Через некоторое время пункт Серпуховской площади сообщает: «Юнкерская часть (столько-то штыков) прошла в центр по Полянке»...

Эти пункты находились в следующих местах:

1) Калужская площадь, 2) Калужская застава, 3) Москворецкий мост, 4) Саратовский вокзал и 5) Серпуховская площадь.

В ночное время в эти же пункты заходили и специальные патрули, посылаемые нами по району для разведки и охраны района. Милиция бездействовала. Составленная из инвалидов, она неспособна была бороться с бандитизмом. Вся ее роль в этот период сводилась к тому, что ее «по мере надобности» разоружали, вооружая отнятым оружием красногвардейцев.

Серьезнейшим подспорьем явилось привлечение в дни восстания к разведке части солдат мотоциклистов — «самокатчиков», как мы их тогда называли. Перейдя в наше распоряжение, они производили разведку на большие расстояния (так, например, было при очередном слухе о движении казаков на Москву со стороны Калужской заставы), прорывались они к Моссовету, связывали нас и с Остоженкой и с заводами.

Разведка проводилась и таким способом, как закрепление нескольких большевиков на отдаленном пункте, как это было, например, у Даниловской заставы, откуда ожидали нападения казаков. Здесь был занят 2-й Серпуховский милицейский комиссариат и там установлен наш пункт.

Приводим донесение тт. Рабиновича и Файнберга [1]:

«В РКомиссар. 2-го Серпуховск. уч-ка 30/X 1917 г. № 159/19.

В ШТАБ КР. ГВ. ЗАМ. РАЙОНА.

Удалось установить связь с Даниловской мануфактурой. Оттуда посланы разведчики, где, по имеющимся сведениям, есть казаки. Результат разведки будет известен часам к 5. Кроме того даниловцы посланы в Тюфелеву рощу.

Наши разведчики отправились к Павелецкому вокзалу по путям через товарную станцию и тоже к Тюфелевой роще. Эти разведчики будут тоже к пяти.

Разведчики, посланные к школам прапорщиков, сообщают, что наружно там все спокойно. Стоят патрули со стороны юнкеров и наших. Активных действий нет.

Во избежание недоразумений просим прислать удостоверение в том, что мы (З. А. Рабинович и С. Л. Файнберг) назначены исполнять обязанность комиссара. Кроме того пришлите мандат рабочему зав. Мих. начальнику отряда Красной гвардии, занявшей Комиссариат, Н. С. Котову и солдату 55-го зап. полка С. У. Сорока в том, что они прикомандированы к комиссариату.

Мотоциклиста снова пришлите к 6 часам, по-

---

[2] Партархив МК ВКП(б) ф. Зам. РК ВКП(б), 1917 г., д. № 6.

лучились непроверенные слухи о том, что в Тюфелевой роще находится 50 казаков. Казаки стоят и не двигаются. Для проверки послана опять разведка, может вытребовать для нас красногвардейцев из заводского комитета без оружия. Если нужны будут, — сообщите.

По полученным по телефону из центра сведения в районе Тверской, между Страстной и Триумфальной, идет перестрелка.

Если Вам нужно позвонить в центр,— сообщите телефоны, так как наш все время работает.

Ц. Р. Комиссар. 2-го Серпуховского участка З. Рабинович, С. Файнберг.

Получение бумаги просим подтвердить».

Как мы видели, наши силы перед восстанием были невелики. Но наш расчет на массу, на готовность рабочих драться за свое будущее был правилен. Оправдался и расчет на то, что основные кадры Красной гвардии сумеют добыть оружие и тем самым сумеют расширить масштаб восстания.

Надо отметить, что после объявления 26 октября всеобщей забастовки почти со всех заводов в Замсовет потянулись делегации, требовавшие оружия. Требования облекались подчас в очень резкую форму. Рабочая масса обвиняла совет в «халатности», в том, что он «не подготовился»... Указывалось на то, что есть бойцы, что, следовательно, нужно их вооружить.

Оружие было добыто. В восстании участвовали уже не сотни красногвардейцев, а тысячи.

Накануне восстания, 25 октября, на собрании всех командиров «сотен» красногвардейских отрядов Замоскворечья был избран оперативный штаб Красной гвардии. Собрание происходило в помещении Замсовета. Оно было открыто представителем Замрайона большевиков (Файдышем) и представителем совета рабочих депутатов.

Штаб был избран в составе: Вл. Файдыш — начальник штаба; члены: Брун, Микуцкий, Викман, Биксон и Томашевский.

Настроение рабочей массы было решительное. Требовали действия. Поэтому крайне раздражала задержка директивы московского центра о переходе в наступление.

Рабочие Замоскворечья, на глазах которых происходила перевозка юнкерами оружия и патронов в центр, которые видели, как белогвардейские силы стягиваются к центру, были очень озабочены этим. Центр же продолжал вести переговоры. Посланная 27 октября райкомом партии специальная делегация — И. Косиор, Пан (Кржеминский), Файдыш и другие — с поручением настаивать на выступлении против юнкеров получила директиву: «Пока готовиться, но не выступать». Это было выполнено. Но ни делегаты, ни райком не сочли эту директиву правильной. Особенно настаивал на выступлении завод Михельсона.

25 октября райком партии намечает состав военно-революционного комитета, а 26 октября экстренно собравшийся президиум исполкома Замсовета в составе

Иосифа Косиора (председатель), Ильи Цивцивадзе (партруководитель, член бюро МК), Семенова (рабочий Телефонного завода), Витковского (электростанция), Шиллерта, Файдыша и Вл. Ротшильда избирает военно-революционный комитет, которому передает всю полноту власти в районе.

В ВРК вошли большевики: И. Косиор (председатель), Ю. Шиллерт, Вл. Файдыш (начальник Красной гвардии), К. Витковский, один меньшевик — Еремин, один левый эсер — Судаков (ни один из двух последних ни разу в ВРК не явился.—**В. Ф.**).

Был кооптирован кроме того тов. Будзинский, но он был выбран и в Московский ВРК и в районе не остался, ушел в Моссовет.

На третий день восстания, 28 октября, состав ВРК пополняется еще следующими товарищами: Штернбергом П. К. (фактически он становится его председателем и руководителем), Б. Волиным, Ильей Цивцивадзе и Вл. Ротшильдом. В этом расширенном составе ВРК проводит работу во все время восстания.

ВРК таким образом включал в себя исключительно большевиков. В это время весь райком партии входил или в ВРК или в актив; как отдельный руководящий центр райком в дни восстания не существовал. Партия непосредственно руководила боевыми действиями. Роль ВРК была огромна. Это был подлинный коллективный руководитель восстания.

Штаб жил лихорадочной жизнью. В первые дни восстания не спали вовсе. Строгого распределения обязанностей не существовало. Но сразу было твердо

установлено, что боевые операции проходят через начальника Красной гвардии, как и вопросы, связанные с вооружением, формированием новых отрядов и т. п. Штаб же Красной гвардии по сути ликвидировался, члены штаба принимали участие в боях, командуя отдельными отрядами.

ВРК пришлось разрешать самые разнообразные вопросы. Тут и перемирие, и вопросы продовольствия, и охрана спирто-водочных складов, и разбор дела о шпионаже, и борьба с бандитизмом... Все это приходилось разрешать в экстренном порядке.

Несомненно, что один ВРК не смог бы одолеть всех этих дел без помощи всей районной партийной организации и в частности актива, которому поручались и обыски, и организация милиции, и реквизиция продуктов и автомобилей, и следственные дела, наконец отдельные боевые задания.

В этот актив входили: тт. Вл. Ротшильд, принимавший участие в работах ВРК и в боевых операциях, Мышкин, П. Арутюнянц, Ник. Сычев, Борисов-Гуревич, К. Островитянов, Марьин, Л. Люсинова, Наджарова, Семенов, Е. Герцовская, Эйнштейн, Дьяконов. Кравчук Ольга и Валентина, А. Калинин, Н. Г. Соколова и другие. Сюда же надо отнести и инженера электростанции 1886 года (им. Смидовича) т. Бренера, не входившего еще в то время в партию, рекомендованного райкому для использования т. Смидовичем еще во время кампании по выборам в районные думы. Тов. Бренер оказался ценнейшим работником. При его помощи был, например, осуществлен план лишения света учреждений и штабов юнкеров

или освещения их позиций и затемнения наших, сообразуясь с боевым моментом. Выполнял он самые различные поручения. Позже он вступил в партию, был членом Замоскворецкого совета. Умер в годы гражданской войны.

Во все время боев партийная организация большевиков проявила колоссальную энергию. Мало того, что ею полностью осуществлялось руководство ВРК, — она сумела развернуть и массовую политическую работу.

Во время боевых действий ВРК необходимо было обратить особое внимание на снабжение населения продовольствием. Существовавшие для этого учреждения не работали, да мы и не могли позволить им работать, ибо они обслуживали бы не рабочих, а юнкеров. Поэтому райкомом была создана при ВРК специальная продовольственная комиссия. Председателями ее были тов. Семенов, затем тов. Витковский и другие. Эта комиссия была вынуждена снабжать продовольствием, в первую очередь хлебом, не только Замоскворечье, но и весь город. Помнится, с каким трудом мы перебрасывали продовольствие к Моссовету, уже отрезанному тогда от района и голодавшему.

Вся эта работа производилась в самой теснейшей связи с ВРК. При последнем была организована комиссия, называвшаяся то юридической, то следственной, куда доставлялись арестованные за различные преступления, начиная с контрреволюционных выступлений, шпионажа и кончая бандитизмом, воровством. Сначала во главе комиссии стоял Петр Арутюнянц, а затем Дьяконов. Комиссия являлась по сути

дела военным трибуналом. Ее решения утверждались ВРК.

Партийная организация проводила серьезную работу с фабзавкомами и заводскими партийными ячейками. Через них рабочая масса и информировалась о происходящих событиях, они организовали отряды красногвардейцев, формировали подкрепления, которые посылались по экстренному вызову штаба, охраняли завод, брошенный владельцами. Члены ячеек и завкомов сами превращались в красногвардейцев, когда приходилось с оружием в руках выходить против отряда юнкеров, драться с грабителями, расхищающими заводское имущество.

Особо надо упомянуть из товарищей, не входивших в руководящие органы восстания в районе, следующих руководителей и организаторов Красной гвардии: Апаков — командир Красной гвардии Замоскворецкого трамвайного парка (убит в годы гражданской войны); Добрынин — рабочий Телефонного завода, командир отряда, действовавшего на Остоженке, где и был убит; Брун — командир отряда и член штаба Красной гвардии; Пан (Кржеминский) — командир отряда Красной гвардии завода Михельсона и командир операций у Каменного моста; Федоров — командир отряда Красной гвардии завода Густава Листа; Леваков — командир Красной гвардии завода «Поставщик»; Лютке — командир отряда завода Шварцкопфа; Арутюнянц Петр, Мышкин — командиры, назначенные на Остоженку после смерти т. Добрынина; Сычев Николай — выполнявший отдельные боевые задания и организовав-

ший разведку; Стрелков — рабочий завода Михельсона, прикрепленный к 55-му полку, его политический руководитель; Антонов, Алексеев, Рачицкий — из 55-го полка.

Это было опорное ядро парторганизации Замоскворечья.

ВОССТАНИЕ

Первые сообщения об особенном оживлении у юнкеров райком и штаб получили 23 или 24 октября от рабочих завода Михельсона и от солдат 55-го полка. Юнкера начали отправлять в центр—в автомобилях и даже на извозчиках — ящики с патронами и пулеметами. Постепенно часть за частью уходила в центр, к манежу.

Еще до восстания городским головой эсером Рудневым было роздано оружие: винтовки, патроны, револьверы «домовым комитетам», эти последние организовали под командой офицеров, живших в доме, или одних офицеров, если их насчитывалось достаточное количество, специальные «домовые» охраны. Эти «охраны», во-первых, обстреливали нас при наших прохождениях, во-вторых, служили белым как разведка в тылу противника и, в-третьих, — представляли собой резерв, который мог давать белым пополнение за счет мелкобуржуазной молодежи.

Объясняется это самым ее составом: большинство— сыновья купцов, чиновников. Многие являлись до до Февральской революции ярыми монархистами, затем «полевели», стали «кадетами». В здании института находилось оружие, полученное от Комитета обще-

ственных организаций. Там находился и отряд белой гвардии в 100 человек.

Первая стычка в нашем районе как раз и была с разведкой этого отряда. Нашим отрядом командовал т. Томашевский (рабочий Телефонного завода). Произошла перестрелка, в результате которой один студент был убит, двое арестованы, а остальные разбежались» [1].

ВРК принял решение о немедленной ликвидации белогвардейского штаба. Был дан приказ роте солдат 55-го полка и отряду красногвардейцев занять Коммерческой институт. Белые растерялись. Нашему отряду они не оказали почти никакого сопротивления, и после легкой перестрелки весь отряд сдался. Штаб белых таким образом был сразу нами ликвидирован, а здание было использовано с большей пользой: там работала перешедшая в наш район редакция «Известий».

Тут же приступлено было к разоружению домовых охран и к захвату их оружия.

Разоружать приходилось иной раз целым отрядом, причем часто велся форменный бой с офицерской охраной.

Но большей частью, особенно на третий-четвертый день восстания, когда преобладание в районе уже явно на нашей стороне, разоружение и обыски производили один-два вооруженных красногвардейца с мандатом и несколько рабочих, не имевших еще оружия и только искавших его.

---

[1] «Красное Замоскворечье», Сб. изд. Зам. райкома ВКП(б). 1927 г., стр. 96.

Кроме обнаружения этих «охран» по раздававшимся выстрелам, обыски намечались и по сообщениям рабочих, живших в «охраняемых» домах, а часто по сообщениям «прислуги». Эти сведения доставлялись или в ВРК, или в один из заводских штабов Красной гвардии.

26 октября, получив сведения о том, что в складе при команде выздоравливающих имеется оружие, ВРК послал «пробный» приказ начальнику склада сдать оружие и автомобиль для его вывозки. В ВРК явился весьма взволнованный капитан, пытавшийся несвязно доказать, что он «не имеет права» сдать оружие.

Ему заявили: «Отвечает военно-революционный комитет. Не сдадите — будете арестованы». Тогда он подчинился. Тотчас вывезли около 200 берданок и патронов к ним.

Начало прибывать оружие. Особенную помощь оказали железнодорожные рабочие Казанского вокзала, сообщившие по районам об имевшихся на дороге нескольких вагонах с винтовками.

Были посланы трамваи, и оружие вывезено.

На четвертый или на пятый день восстания штабу Красной гвардии пришлось выделить специально для работы по учету оружия и его выдаче одного из членов штаба — т. Викмана. К концу восстания существовал уже целый арсенал оружия, размещенный в занятом для этой цели кинематографе «Великан», около Серпуховской площади. Там хранились винтовки, патроны, гранаты, взрывчатые вещества и вообще все, что нами реквизировалось.

Кто был в те дни в Замоскворечье, помнит, как гремели выстрелами Полянка, Пятницкая, Ордынка у Серпуховской площади, как постреливала Якиманка— у Калужской. Нельзя было показаться в местах, где господствовали замоскворецкие «небоскребы», без того чтобы тебя не обстреляли, если ты похож на рабочего или был вооружен. Необходимо было очистить район от белых. Затем предохранить штаб от налетов броневиков. Район, в эти первые дни восстания был как бы разделен на две части линией юнкеров от центра к школам прапорщиков. Эта линия проходила от Большого Каменного моста через Малый Каменный по Полянке и Серпуховке. Естественно, что мы каждую минуту ждали их нападения. Мы вырыли окопы: на Коровьем валу около Серпуховской площади, а затем на Мытной улице, которая выходит почти к бывшим Александровским казармам, гда, как мы сказали, осталась одна школа прапорщиков, и на Калужской площади Якиманку перегородили тюками ваты. Если окопы мы рыли главным образом для приостановления движения броневиков и автомобилей, то на Калужской площади, где находился штаб и где, следовательно, всегда были отряды, мы могли не так уж опасаться внезапности налета броневика.

Вечером 27-го был послан на трамвайную электростанцию к Малому Каменному мосту соединенный отряд михельсоновцев и других красногвардейцев. Командиром отряда был назначен Пан (Кржеминский): Большой Каменный мост находился в руках юнкеров, и путь к школам прапорщиков, как мы сказали,

проходил через эти мосты. Отряд Пана должен был прорвать эту линию, преградить дорогу.

Вскоре по прибытии отряда на трамвайную станцию часовой дал тревогу. Послышался шум автомобиля. Отряд устремился к нему. И заработал юнкерский пулемет, завязалась перестрелка. Рабочей атаки, даром, что неопытны были стрелки, юнкера не выдержали, повернули обратно. Больше они не рисковали наступать на Замоскворечье. Мы уже закрепились и у Большого Каменного моста. В этом бою были убитые и раненые.

Действия отрядов «Густава Листа» с Федоровым и Электростанции 1886 года (МОГЭС) не дали возможности юнкерам использовать путь через Москворецкий мост. Им пока оставался лишь Устьинский мост, которым они и пользовались для налетов в Симоново, к пороховым складам, где хранились патроны.

У Крымского моста действовал Варшавский арматурный завод и залег отряд т. Бруна.

В эти дни связь с МВРК поддерживалась регулярно. Работал телефон. Мы и сами еще пробирались туда. Затем была налажена связь при помощи женщин, которым удавалось сквозь пикеты юнкеров пробираться с донесениями. Здесь работали: Катя Карманова, Зина Васильева, Шура Алексеева, Легонькая.

Особенно проявила себя Легонькая, кондуктор трампарка. В ней сочетались храбрость вместе с ловкостью, несмотря на неопытность — уменье примениться к местности. Так, например, однажды следовавшим за ней другим разведчикам она передавала число юнкеров около Кремлевской стены посредством

«отбивания крестных поклонов» перед Спасскими воротами. Умела она и объяснять удачно свое появление в местах боев. Раз все же она была арестована юнкерами, но ей повезло — ее выпустили, и она с ушибленными ногами (юнкер ударил прикладом) явилась в Моссовет, а затем снова перебралась в район.

МВРК в те дни приходилось трудно. Допустить концентрацию юнкерских сил в центральной части города, в то время как сам комитет, находясь в этом же центре, сразу же был отрезан от районов. Наши попытки бросить отряды ему на поддержку не могли дать серьезных результатов из-за слабого их вооружения, а порой и отсутствия у них всякого оружия. Остальные же районы были в этом отношении еще в менее благоприятном положении, чем Замоскворечье.

На третий или четвертый день восстания штаб получил приказ Моссовета выступить ночью (в 2 часа) «по пушечному выстрелу» на выручку Моссовета. Приказ был дан всем районам. Обозначал он требование перехода от обороны к наступлению на основные силы противника.

Так и был понят этот приказ Военно-революционным комитетом Замоскворечья. Пушечного выстрела мы не слыхали, а, примерно, около 4—5 часов утра 28 октября двинулись в наступление.

Велось наступление по разработанному накануне плану. Предполагалось захватить штаб Московского военного округа (Пречистенка) и Александровское

военное училище (Знаменка), затем соединенными силами наступать дальше.

Наступление начато было по двум линиям: по Крымскому валу, Остоженке и по Полянке и Каменному мосту.

Часть, состоявшая из солдат 55-го полка и Красной гвардии, которая наступала на Александровское военное училище, была остановлена в самом начале. Большой Каменный мост оказался непроходимым. Пулеметы, поставленные на Кремлевской стене, на Храме спасителя, и оружейный огонь по мосту делали невозможным наступление по этому пути. Пришлось закрепляться на набережных (Берсеневской и Софийской), у Соляного городка и «Густава Листа».

Более удачным было наступление другой части. Ей удалось продвинуться через Крымский мост, через всю Остоженку — почти до самого штаба. Сильно мешало здесь отсутствие у нас патронов и оружия. Первая группа имела в своем составе вооруженных винтовками солдат 55-го полка, здесь была лишь 196-я пехотная дружина, вооруженная к тому же берданками. Из красногвардейцев лишь михельсоновцы имели небольшое количество винтовок. Остальные были вооружены револьверами. Произведенной при наступлении проверкой было установлено, что на винтовку приходилось лишь по одному патрону, а на берданку — по пяти патронов. О пулеметах и говорить не приходилось: их не было ни у Красной гвардии, ни у солдатских частей. В состав этого отряда входило около 200 человек.

Таковы были те авангардные силы, с которыми восставшие рабочие Замоскворечья перешли в наступление.

Со стороны же юнкеров против нас дрались обученные кадры, вооруженные винтовками и пулеметами, снабженные значительным количеством патронов.

Остоженка вся гремела выстрелами. Стреляли из форточек, из завешенных окон, с чердаков и крыш. Стреляли из пулеметов вдоль всей улицы.

Здесь еще раз после 1905 года кривые улицы сослужили свою службу. Благодаря кривизне Остоженки можно было наступать под пулеметным огнем лишь по одной стороне улицы. Несколько рабочих, не знавших, что другая сторона улицы вся под пулями, заплатили жизнью за это незнание.

Наступавшая колонна растянулась на большое расстояние, шли «гуськом», один за другим. Были неопытны еще. Не выслали вперед разведки. Даже и двигаясь при неумолкавшей стрельбе противника, не умели принять необходимых мер предосторожности.

Едва передовые дошли до Корабельникова переулка, где Остоженка дает поворот, как они попали под ураганный огонь. Они пали на глазах у остальных, как подрезанные. Наступать здесь было нельзя. Остановились. Было решено закрепиться на занятой позиции, занять окрестные дома, действовать в переулках, постепенно окружая белогвардейский штаб. Командование позицией было поручено т. Добрынину.

Остоженские позиции были наиболее боевым участком на фронте Замоскворечья. Там никогда нельзя было быть уверенным, что не получишь пули в за-

тылок, там нельзя было стать на улице, не обеспечив себя прикрытием.

Этот участок стоит многих жертв восставшим рабочим. Здесь сначала был ранен в руку, а затем пулей в живот был убит т. Добрынин. Здесь была убита Л. Люсинова, один из секретарей ВРК. Здесь в один день выбыло из строя ранеными и убитыми 225 замоскворецких красногвардейцев.

Уличный бой в городе тем и отличается от полевого боя, что на улице враг мог притаиться всюду — от подвала до чердака. Остоженка, Пречистенка с их переулками — кварталы крупной и мелкой буржуазии, столбового дворянства и чиновников, зажиточной интеллигенции: адвокатов, врачей и т. п. Здесь почти в каждом доме были вооруженные охраны, связанные сигнализацией друг с другом и со штабом белогвардейцев. Вот почему, уже заняв Остоженку, мы все-таки продолжали здесь драться с «незримым» врагом.

Чтобы твердо закрепиться здесь, чтобы предохранить себя от выстрелов с тыла, красногвардейские отряды на второй же день принялись за обыски в домах. Однако кроме небольшого количества старого негодного оружия ничего добыть не удалось. Белые умели приходить и уходить через задние дворы, вновь проникая на старые позиции ночью и сызнова расстреливая красногвардейцев в спину.

Именно поэтому Остоженка вырвала многих бойцов из наших рядов. Ни тотчас по прекращении боев, ни позже мы не могли составить полного списка убитых и выяснить всех раненых красногвардейцев.

Занятие Остоженки было большим делом: самый факт нашего продвижения к центру был ценен тем, что противник был вынужден снять свои силы с других мест, где он развивал наступательную тактику, и задержать их здесь на обороне.

Необходимо отметить, что Остоженка в эти дни уже раз была занята отрядами Хамовнического района, но эти отряды были оттеснены сначала до Всеволожского переулка, где Красной гвардией было устроено нечто вроде баррикады, а затем и далее — на Крымскую площадь. Нашему району таким образом вновь приходилось брать Остоженку.

Крымский мост был занят нами 27-го вечером.

28 октября мы занимаем лицей, интендантские продовольственные склады, Крымскую площадь и часть Зубовского бульвара. Выходим по Остоженке до Корабельникова переулка. Закрепляемся здесь, роем окоп.

Это рытье окопа объяснялось невозможностью взять юнкеров, засевших в окоп и имевших пулеметы, «в лоб». Таким образом необходимо было и нам пресечь всякую возможность юнкерам продвигаться по Остоженке.

Этот окоп насчитывал иногда всего-навсего 5—10 защитников, главные же силы были в движении, наступая переулками, стараясь охватить штаб белых с других сторон.

Юнкера, отступив, заняли на Остоженке и Пречистенке подвалы, чердаки, установили пулеметы на колокольнях церквей «Троицы», «Воскресенья», на пожарной каланче и на башне Зачатьевского монасты-

ря. Из этих пулеметов они обстреливали наступавшие отряды Красной гвардии.

Продвижение наших частей стало крайне затруднительным. Тогда районный штаб решил перегруппировать силы. Часть отрядов с т. Добрыниным направляется для захвата Зачатьевского монастыря и окружающих его переулков, другая — действует на Остоженке и в переулках, выходящих на Пречистенку. Цель этих действий — охват штаба МВО.

В Полуэктовом переулке красногвардейцы приостанавливаются, занимают дома, чердаки.

29 октября после полудня отряды снова переходят в наступление.

Юнкера отвечают контрнаступлением, но оно отбивается.

Красная гвардия занимает позиции, укрепляется на Пречистенке на углу Штатного переулка.

30 октября юнкера вновь переходят в наступление со стороны Большого и Малого Левшинских переулков. Помимо пехоты они бросают против нас и отряд кавалерии. Мы отвечаем контрнаступлением; в этой операции принимает участие около полуроты солдат 193-го пехотного полка, помещавшихся в Хамовнических казармах. Атака юнкеров была отбита. В этот же день Московским военно-революционным комитетом было объявлено перемирие, чтобы договориться с белыми о прекращении военных действий.

Красногвардейцами и Замоскворецким ВРК перемирие было принято с недоверием. Они опасались потерять захваченные с таким трудом позиции. Это

настроение отразилось и в приказе ВРК, где, предполагая прекратить стрельбу, одновременно приказывалось закрепляться на занятых позициях.

Как мы и предполагали, перемирие было всего лишь маневром со стороны юнкеров; они его использовали для разведки наших позиций и для шпионской работы в глубоком нашем тылу. Это «перемирие» дало возможность ВРК глубже вдуматься в создавшуюся обстановку. Прежде всего обнаружилось наше крайнее недовольство медлительностью нашего наступления, что усиливало сопротивление юнкеров.

Не имея руководства со стороны Военно-революционного комитета, окруженного со всех сторон юнкерами, наш комитет решает самостоятельно связаться с Питером. Командируем т. Борисова (Гуревича), секретаря райкома партии, к Ленину. Снабжаем его при содействии Н. И. Бухарина, находившегося в дни восстания у нас в районе, необходимыми документами. Борисов уезжает в Ленинград, увозя нашу просьбу о присылке достаточно хорошо вооруженных отрядов.

Поручение им было выполнено, но из-за отказа Викжеля отряды не могли быть переброшены.

Одновременно с посылкой Борисова в Ленинград был поставлен в ВРК и положительно решен вопрос о возможности применения в Москве артиллерии.

Мы строго придерживались положения: «отнюдь не обороняться в восстании, но наступать и наступать».

Поэтому наши отряды, выйдя на Оостоженку, не

засели в окопы, а все время неуклонно двигались вперед, захватывая участок за участком.

Уже через два дня был занят Зачатьевский женский монастырь, с колоколен которого юнкера вели обстрел дворов, где располагались красногвардейцы. Повидимому, выстрелами оттуда был убит и т. Добрынин.

Наконец мы добываем первый пулемет. Ночью отправляемся устанавливать его на Зачатьевский монастырь.

При входе во двор около маленькой калиточки — Федор Смирнов, командир отряда Красной гвардии завода «Поставщик». С ним идут солдат-пулеметчик и несколько красногвардейцев. Стараемся двигаться как можно тише. На стук отпирает дверь напуганная монашенка. Ищем место, откуда лучше начать обстрел юнкеров.

Останавливаем выбор на амбразуре одного окна, выходящего к храму спасителя, в комнате, повидимому служившей иконописной.

Закрываем иконами окно до утра, оставляем там пулеметчика и охрану из красногвардейцев и тихо уходим. На утро пулемет уже действует. Его работа сразу чувствуется бойцами: пришло долгожданное подкрепление.

С самого начала командиром остоженских позиций был назначен т. Добрынин, большевик, молодой рабочий — слесарь Телефонного завода. Задолго до восстания он был придан райкомом в помощь тт. Пече, Штернбергу и Файдышу в качестве энергичного помощника по организации Красной гвардии.

Таким он все время и оставался. На остоженских позициях он, никогда не обучавшийся военному делу, стал душой военных действий, главным организатором и командиром отрядов.

После его смерти командование перешло к П. Арутюнянцу и Мышкину, активным партработникам Замоскворечья. Оба — еще учащиеся, оба без всякого опыта в военном деле. Тем не менее они оказались способными продолжать и расширять сферу действия здешних отрядов.

Следует упомянуть, что один из снарядов, пущенных в ход артиллерией, попал в дом в Мансуровском переулке, пробил крышу и разорвался в кабинете генерала Брусилова, ранив его в ногу. Ни наш штаб, ни отдельные красногвардейцы не знали, что в самой боевой зоне проживал известный царский генерал, — так плохо еще был обследован нами этот участок.

Необходимо было неустанно защищать тыл остоженских отрядов, — не дать возможности противнику отрезать их от Замоскворечья, поддерживать постоянную, непрерывную связь с ними.

Для этого нами была установлена в ночное время линия из часовых-одиночек, стоявших, ходивших или скрывавшихся в воротах, переулках, выходящих на Крымскую набережную. Это было не так-то легко организовать. Красная гвардия не была достаточно дисциплинирована, в нее к тому же включилось много рабочих, не знавших военного дела. Поэтому часовые часто не сознавали ответственности своего поста, некоторые просто уходили, цепь прорывалась.

Приходилось поэтому ночью лично проверять патрули, положение отдельных отрядов, давать указания.

Нельзя забыть и той «чайнушки», которая помещалась около окопа и где развернул остоженский отряд Красной гвардии свой штаб. Здесь замышлялись боевые операции, сюда стекались донесения, сюда заходил греться и отдохнуть уставший боец, сюда приходили пополнения и смены.

Большую роль сыграли и личные качества сначала Добрынина, а затем Мышкина — большевиков, всегда связанных с массой, знавших ее и умевших в нужную минуту ободрить и словом и делом.

Примерно к концу третьего дня восстания, стало прибывать оружие. Прорвался из центра т. Пече, привезший сведения о вагоне с оружием на Рязано-Уральской железной дороге. Тот же Пече вновь доставляет пулеметы.

К тому времени в районе наладился транспорт. Трамвайный парк посылает к вокзалу за оружием трамвай. Вагон мчится с самой большой скоростью. По трамваю стреляют, но он доставляет оружие. Пробует силы и «бронированный» вагон — изобретение Замоскворецкого трамвайного парка; он пытается прорваться через Каменный мост.

Появляется в остоженском окопе и бомбомет, на котором красногвардейцы впервые учились метать бомбы. По сути дела он действовал устрашающе лишь гулом от разрыва бомб. Тем не менее бомбомет не дал возможности ни разу взять окоп.

Налаживаются действия сменных частей. Красная гвардия вырастает уже до нескольких тысяч человек. Оружие передается от смены к смене.

Большие затруднения испытывала Красная гвардия из-за отсутствия своих лазаретов. Размещенные на Остоженке военные лазареты принимали наших раненых только после угрозы применения к персоналу суровых мер воздействия. Уход в больницах тоже не был обеспечен.

Необходимость организации своих санитарных отрядов стала очевидной еще задолго до восстания. Организация же их была осуществлена уже по постановлению ВРК.

Организация этого дела была поручена т. А. Калинину — рабочему обозных мастерских, развернувшему свой штаб в кафе-ресторане «Франция» на Серпуховской площади. Его помощниками по организации санотрядов были: Катя Карманова, Мария Кизельштейн, Азарх, Юдина и А. С. Афанасьева. Был привлечен и активно работал студент-медик т. Тайц. Активно работали и Сковно, А. Радионова с завода «Поставщик» и Полина Замогильная.

Санитарных отрядов было до двадцати и работало в них около двухсот человек.

Санотряды были прикреплены к боевым участкам (Остоженка, Каменный мост и т. д.), пункты базы находились на Серпуховской площади и у Калужских ворот.

Основными организаторами заводских санотрядов были фабрики и заводы: «Брокар», «Симон», «Поставщик» (организатор — т. Сковно, работница-

швейница), «Циндель», Даниловская мануфактура и другие.

Особенно интенсивно работал санитарный отряд на Остоженке. Его организатором и руководителем была Леля Кравчук; здесь работала и ее сестра — В. Кравчук. Их хорошо должны помнить бойцы остоженских позиций. Товарищи из этого отряда не только подбирали раненых, но занимались — и пожалуй главным образом — доставкой в окопы патронов, бомб и гранат. Входила в этот отряд еще и Зинаида Васильева.

Санитарная часть имела свой автотранспорт из машин, реквизированных т. Эпштейном у буржуазии, и из санитарных трамвайных вагонов. Медикаменты, перевязочные средства были взяты из аптек.

С самого начала восстания рабочие в поисках артиллерии неоднократно указывали на орудия, наведенные на Замоскворечье, стоявшие по другую стороны Москва-реки, около так называемых Бутиковских казарм.

Я и Дебюсси[1] отправились выяснить положение.

Выяснилось, во-первых, что все артиллеристы на стороне советов, во-вторых, что хамовнический штаб не связался с ними и не использовал их, в-третьих, что у них нет никакого оружия кроме орудий, в-четвертых, что к орудиям нет снарядов (их предусмотрительно загодя увезли) и, наконец, в-пятых, что никто из этих орудий стрелять не умеет, так как инструкторы — французские офицеры — скрылись,

[1] Временно был избран командиром 55-го полка, но тотчас же снят как пьяница и авантюрист.

солдаты же не научились обращаться с орудиями. Орудия — тяжелые, осадные, 155-миллиметровые, французские.

Это не обескуражило наш штаб. Два орудия были вывезены на заводских лошадях с веревочными постромками, все время лопавшимися. Одно из них было поставлено на набережную правого берега, другое — сначала на Калужскую площадь, а потом в Александровские казармы.

Орудия были пущены в ход. Правда, пришлось два раза съездить на автомобиле, прорываясь через юнкерские отряды, в мызу Раево за снарядами, причем в первый раз привезли снаряды не те, что нужно было. Не французским инструкторам пришлось эти орудия наводить, а профессору астрономии П. К. Штернбергу и гражданскому инженеру Гопиусу вместе с бородатым бригадиром—наводчиком из Бутырских казарм.

Стоит отметить самый процесс этой наводки. Прежде всего мы с наводчиком отправились на колокольню Зачатьевского монастыря. Там я ему указал крышу штаба МВО, вместе с ним проследил глазом всю линию крыш до Москва-реки. Я помог ему запомнить наиболее характерные крыши и трубы различных зданий. Кстати сказать, прицельной трубки на орудии не было. Да и пользоваться приборами, если бы они и были, наш артиллерист не умел.

Ожидать результата я остался на Остоженке. Через некоторое время раздался гул от разрыва снаряда. И мы с Арутюнянцем увидели лакеев и горничных, выбежавших из особняка, у которого мы как раз

остановились. Они кричали: «Генерала Брусилова ранило!» Стало ясно, что прицел был взят левее штаба МВО, снаряд разорвался в Мансуровском переулке.

Ночью, уже на четвертый или пятый день восстания, центром была прислана к нам батарея «С» 4-го отделения тяжелого артиллерийского дивизиона под руководством старого большевика — рабочего Блохина и под командой двух офицеров. Прибытие батареи еще более подняло настроение в штабе. Быстро сговорившись по «принципиальным» вопросам, штаб выделил Илью (Цивцивадзе) для подробного сговора с батареей.

Надо отметить ту поддержку, которую к концу восстания оказали Красной гвардии артиллерийские части — батарея, расположившаяся на Хамовническом плацу.

Нам кажется нелишним привести здесь оценку положения в Москве бывшего военного министра в правительстве Керенского — генерала Верховского. Эта оценка была дана на его лекциях по курсу «Общей тактики» [1]. Для нас они любопытны тем, как военный специалист мог с точки зрения военной стратегии разобрать наши ошибки. К сожалению, он только ставил вопросы слушателям. Все же то, что он дал, представляет несомненный интерес.

Соотношение сил он устанавливает такое: «Из 72 рот московского гарнизона 55 голосовало резолюцию, требующую борьбы с Временным правитель-

[1] А. Верховский. Истор. примеры к курсу общей тактики. Изд. ВВРСМ, 1924.

ством. На стороне правительства были только 2 военных училища, несколько школ прапорщиков, общей силой 3—3½ тысячи штыков, офицеры и небольшие части добровольцев»... «Сильной стороной правительственных войск была их тесная связь с партиями социал-революционеров и меньшевиков, в советах, на фабриках и в полках—агитация, которая разрешала революционное настроение масс. Поэтому бросить массы против юнкеров можно было лишь после того, как события доказали их явно враждебную массам позицию»...

Далее он говорит: «... правительственные войска, находившиеся под управлением командующего Московским округом, были хотя и немногочисленны, но отлично организованы и дисциплинированы и сохранили весь аппарат штаба округа: в распоряжении их было два броневых автомобиля, но артиллерии не было»...

«Нужно отметить, что солдатские и рабочие массы, которые постепенно поднимались, не проявляли, как это всегда бывает в первые минуты гражданской войны, ни твердости, ни сплоченности. Роты, приходившие защищать Московский совет и направляемые им по Тверской на Красную площадь, по большей части растекались, плохо исполняли распоряжение, и на указанных местах оставались лишь отдельные, самоотверженные люди, преданные делу революции».

Но далее он говорит, что «Все распоряжения (у красных — **В. Ф.**) исполнялись, хотя, быть может, технически неверно; неспаянная дисциплиной, без опытных военных начальников, масса не могла про-

явить нужной организованности, тем не менее доброй воли, героизма отдельных людей, самодеятельности было много. Вначале не было оружия и огнеприпасов. Но солдаты и рабочие, найдя где-либо оружие и огнеприпасы, будь то на складах или в перевозке по железной дороге, немедленно и по собственному почину являлись в Совет и указывали, где и что взять.

Не было транспорта, но в советы являлись как отдельные шоферы богатых людей, так и представители автомобильных частей, предлагая машины. Благодаря этой массовой стихийной поддержке, советы стали к 28 октября грозной силой, направлявшей усилия масс в борьбе с властью буржуазии, которая заставляла их делать то, что было противно их сознанию, — продолжать войну».

Общий его вывод: тактика белых укрепиться в доминирующих точках и ждать поддержки извне была разбита: а) применением красными артиллерии, б) расширением восстания за счет вовлечения масс рабочих, сплоченности их, энергии, несмотря на отсутствие технических знаний, и в) неприходом ожидаемых подкреплений.

В целом он лишний раз подтверждает правильность нашей тактики: формирование отрядов по предприятиям в период подготовки восстания, их вооружение всякими способами, затем — немедленный захват в самом начале восстания арсеналов с оружием, вообще оружия — в Москве арсенал (в Кремле), уже захваченный, был сдан противнику и оружия не успел вывезти, наступление в центр, где находится противник, на буржуазные кварталы, расширяя базу

восстания за счет вовлекаемых масс рабочих. Подготовительные отряды таким образом являются основными обученными кадрами, организаторами и руководителями новых отрядов.

Вспоминается, как мы из Бутиковских казарм отправились в Ростовские (Хамовнические) казармы. Часовой у ворот довольно доброжелательно оглядывает солдатские погоны спутника, но весьма отрицательно посматривает на мое штатское одеяние. Наконец он вызывает караульного начальника. Тот — тоже солдат, — узнав, что я член Замоскворецкого ВРК и имею поручение от последнего говорить с полком, немедленно ведет нас в казармы.

Входим в громадную спальню с нарами, битком набитую солдатами. Шел митинг. Узнав, что мы от ВРК, нас встретили громом аплодисментов.

Я говорю, что солдаты не могут сидеть в казармах, когда рабочие дерутся на улицах, говорю, что партия большевиков и Замсовет призывают их активно поддержать нас. Это обращение принимается очень хорошо. Полк постановляет поддержать нас.

Обстрел противника артиллерией сильно помог нам. В Замоскворечье нам прощали и то, что снаряды частенько попадали в места расположения наших отрядов. Понимали, что опытных артиллеристов не так уже много было. Буржуазия и ее офицерско-юнкерские части, не надеясь на победу в Москве своими силами, всячески старались как можно дольше затянуть свое сопротивление, надеясь на присылку подкреплений с фронта.

Такие части двигались на Москву. Однажды, нап-

ример, нами было задержано пять казаков, приехавших от одной из застав. Оказалось, что это разведка казачьего полка, остановившегося под Москвой. Райкомом и ВРК решено было немедленно вступить в переговоры с полком. Взятые в плен казаки были освобождены и выехали в полк вместе с представителем Замоскворецкого ВРК тов. Карповым[1].

Полк шел под командой офицеров. Присоединиться к нам он отказался, но и не рискнул после нашей информации о положении вещей пойти против нас. Полк отправился на Дон. Разоружить его мы были не в состоянии.

Применение артиллерии из трехдюймовых орудий давало небольшой результат. И ВРК принимает решение пустить в дело более крупные орудия. Вот письмо, которое было послано председателем Замоскворецкого ВРК т. Штернбергом Московскому военно-революционному комитету:

> «Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий ВРК предлагает начать работу шестидюймовых орудий и просит ВРК высказать свое мнение по этому поводу.
>
> Предварительно предлагает сдаться юнкерам. И в случае отказа с их стороны начинает свои действия с 10 часов утра».

---

[1] В. Карпов — студент-большевик. Позже учился в Военной академии, был убит басмачами в гражданской войне.

Московский ВРК на это отвечает:

«Военно-революционный комитет совета рабочих и солдатских депутатов разделяет вашу мысль о необходимости быстрого решения вопроса. Поэтому мы еще вчера послали спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москва-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около Каменного моста.

Если есть артиллерия и в других местах, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу и Кремлю и сделать это надо не к 10 часам, а гораздо раньше»[1].

Применение артиллерии, хотя и не причинившей большого урона юнкерам, но показавшей им достаточно убедительно серьезность наших намерений, и усиление наступления со стороны других районов помимо Замоскворечья вынудили юнкеров серьезно задуматься над своим положением.

К тому времени был закрыт юнкерам доступ к пороховым складам в Симонове, где хранились патроны.

Самостоятельно Симоново не было в состоянии оказать достаточного сопротивления юнкерам. Замоскворецкому ВРК пришлось послать для захвата этих погребов несколько автомобилей с солдатами 55-го полка и красногвардейцами. Погреба были взя-

[1] Цит. по сборнику «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», изд. «Московский рабочий», 1927 г.

ты, отряд юнкеров, приехавший за патронами, был разбит.

Решительный перелом достигается 31 октября.

После перемирия, ясно показавшего последним из сомневавшихся, что единственным методом, обеспечивающим закрепление власти за советами, является полный разгром белогвардейских сил, московский центр и районы развивают наступление по всем линиям. Артиллерия ведет обстрел днем и ночью.

Все более и более смыкается кольцо вокруг юнкеров. 1 ноября наши отряды проникают в центр со стороны Устьинского и Москворецкого мостов.

Замоскворецкие отряды начинают встречаться с отрядами других районов.

2 ноября после семидневних упорных боев юнкера сдались, и был занят Кремль. К вечеру этого же дня нами был получен приказ о прекращении боевых действий на всех участках.

Последней операцией Замрайона было взятие штаба МВО. Ближайший отряд Красной гвардии, в который входил и отряд завода «Поставщик», под командой т. Ф. Смирнова выступил к штабу. Ф. Смирнов описывает это занятие штаба белых таким образом:

«Подойдя к окопу МВО, который был вырыт по пояс, где были наложены штабеля дров и лежали железные койки, окруженные колючей проволокой, мы увидели несколько юнкеров, которые до нашего прихода еще не успели получить распоряжение от командира выйти из окопа. Около окопа у стены был сделан маленький проход, по которому мы прошли

к воротам штаба Московского военного округа. У ворот стояло двое парных часовых. На предложение открыть ворота нам ответили: «Мы открывать ворота не можем, ибо нас разводящий не снял еще и не дал распоряжения о пропуске вас».

Тогда мы перелезли через ворота, и я распорядился, чтобы никого не впускали и не выпускали из ворот. Из окна было видно, как в первом и втором этажах дома находившиеся там юнкера переодевались в солдатские шинели, в окно можно было видеть также много шоколада, какао, хлеба.

В этот момент подбегает солдат Маслаков, который был членом Совета и которого юнкера арестовали и посадили в подвал, и заявляет, что здесь имеется касса с наличием 100 тысяч рублей. Я откомандировал Маслакова и еще одного товарища (фамилии не помню) и дал распоряжение никого к кассе не допускать и денег не выдавать без моего разрешения. В этот момент стали стаскивать двенадцать пулеметов, которые были расположены на чердаках и в верхних этажах штаба. Подбегает часовой и говорит, что пришел начальник нашего участка Петр Арутюнянц и с ним 30—40 красногвардейцев: впускать их или не впускать? Я распорядился впустить их. В этот же момент начальник команды юнкеров выстроил свою команду, и передо мной стал вопрос: куда девать их? Этот вопрос разрешил Арутюнянц, который приказал их отправить в Серпуховский арестный дом. Несмотря на то что офицеры протестовали, показывая приказ о разрешении сохранения оружия, наши товарищи обезоружили их, забрав имею-

щиеся у них шашки и револьверы. Шесть-семь моих ребят было отправлено для сопровождения прапорщиков 3-й школы. Я с остальными товарищами стал просить Арутюнянца, чтобы он сменил нас и принял штаб Московского военного округа. Я ему сдал 8 машин, 4 мотоцикла и все орудия, которые там находились. Мы захотели захватить с собой 2 пулемета и несколько винтовок, но Петр ругался, говоря: «Все это народное, все это наше и должно остаться здесь». Но мы ему ответили: «Покрепче будет, если они у нас на заводе будут», и, несмотря на его уговоры, взяли 2 пулемета, 20 лент патронов, по винтовке, несколько штук бомб и отправились назад. По дороге встретили ломового извозчика; на подводу положили всю «добычу» и отвезли к себе на завод «Поставщик».

Взятые в плен нашим районом юнкера были сначала помещены в бывшие Александровские казармы под наблюдение солдат 55-го полка. На другой же день ВРК получил сообщение о предполагавшемся расстреле солдатами этих юнкеров. Но посланный представитель ВРК и рабочие завода Михельсона отговорили солдат. ВРК перевел юнкеров в арестный дом, а затем по приказу нашего московского штаба распустил их по «домам». Мы знаем, как отплатили белогвардейцы рабочим за это великодушие. Их «домом» оказался Дон, где бежавший от нас Калединин формировал белогвардейские банды.

«Враг сдался. Все наши условия приняты. Признана власть советов. Условия сдачи противной стороной оружия вырабатываются. Быть на-стороже, позиций

не ослаблять. Огонь и боевые действия прекратить»— объявляет в своем приказе от 2 ноября 1917 года Замоскворецкий ВРК [1].

Но боевые операции еще не кончились. Поступило сообщение о движении генерала Иванова на Москву. Закипела работа по укреплению Москвы со стороны застав. Было решено дать отпор генералу не в самой Москве, а под Москвой. Особенное внимание было уделено позициям около деревни Котлы. Для организации обороны, рытья окопов был специально выделен член ВРК И. Косиор и в помощь ему т. Пан (Кржеминский). Им с громадными трудностями, при поддержке отрядов с заводов Михельсона, «Поставщик» и других, удалось эти окопы вырыть и несколько подготовить местность к обороне. Генералу, однако, так и не пришлось побывать в Москве.

После сдачи юнкеров Красная гвардия сразу сократилась. Но основные ее отряды сохранились в целости. 24 ноября, судя по сохранившемуся документу, Красная гвардия Замоскворечья включала в себя примерно 2 тысячи бойцов.

О роли района в дни октябрьских боев и во время последующих выступлений Красной гвардии дает хорошее представление документ, сохранившийся в архиве Красной армии.

В нем говорится:

«В настоящее время в Москве имеются готовыми следующие отряды: Царицынский в 200 человек,

[1] Архив Музея революции Ф. Замоскворецкого района.

Орехово-Зуевский 250 человек, Городского района 150 человек.

Отряд при 55-м полку с командой пулеметной, артиллерией, броневой и кавалерией — в 500 человек.

Подготовляются в Замоскворецком районе три отряда в 200, 400 и 2 тысячи человек. В Лефортовском и Сокольническом районах — на 200—300 человек. Через неделю будет готов батальон красной тяжелой артиллерии. Идет подготовка отрядов в 200—300 человек и в других районах Москвы»...

Замоскворецкая Красная гвардия как наиболее серьезная сила и наиболее дисциплинированная, естественно, была использована в первую очередь.

Едва город был взят, на нас легла не менее ответственная задача — захватить банки в свои руки, занять все городские учреждения, поставить охрану города.

Вот здесь-то и началась новая «страдная» пора. Непрерывно вновь звонят молчавшие почти во все время восстания телефоны. Требуют красногвардейцев. Требуют занять караулом банк «Юнкерс» на Ильинке, требуют караула к другим банкам. В то время знали, где наиболее надежна Красная гвардия, на отряд какого завода можно положиться, что не уйдет с поста.

Затем, пользуясь прекращением стрельбы и слабостью милиции, подняли голову бандиты, начались ночные налеты под видом пришедших с обыском грабителей — всюду надо было поспеть. И поспевали.

В Замсовете на Большой Ордынке, против театра, у

Серпуховской площади еще дежурят и ночью все те же люди, но уже камин пылает в барском особняке, можно уже с комфортом улечься на ковре у камина и греться, пока не раздастся звонок телефона. Раздался звонок — винтовка в руках, автомобили у подъезда, и отряд несется по вызову, будь то требование в банке, или в милиции, или на заводе, или на квартире обывателя.

Замоскворецкая Красная гвардия участвовала в ликвидации выступления анархистов, мятежа эсеров.

Окончательно распустили участковую милицию, заменив милиционеров рабочими.

Пришлось бросать отряды и вне Москвы. Отряды выезжали в Коломну, Гжатск, Данков.

Отряды охраняли заводы от бандитов и от попыток хищения, организуемых владельцами, а затем и от вредительских попыток со стороны тех же владельцев.

Борьба таким образом не закончилась сдачей юнкеров. Фронт углубился, распался на целый ряд новых участков. И всюду на страже революции стояли красногвардейцы.

В дальнейшем красногвардейцы вошли в специальные формирования, выступавшие из Москвы на Украину, против наступавших немцев, вошли и бойцами в Красную армию.

ЛЕНИН в поэзии народов Востока. Составил Александр Тачиков	Андре Жид. Страницы из дневника	Борис Левин. Нина
Салтыков-Щедрин. Избранные сатиры	И. Ильф и Е. Петров. Директивный бантик	Бела Иллеш. Шесть ударов молотка
А. Старчаков. Тарас Шевченко	А. Железнов. Стихи	Исаак Зарубин. На солнечной стороне. Рассказы

Цена 40 коп.

